

историю русской литературы с точки зрения пушкинской, жизнеутверждающей традиции, чем объясняется природа как ее позитивных оценок (А. К. Толстой, Н. Гумилев), так и негативных высказываний (о Ф. М. Достоевском, А. Блоке).

Доклад Е. Н. Григорьевой (Санкт-Петербург) был посвящен пушкиноведческим работам В. М. Марковича, собранным в недавнем издании (*Маркович В. М. О Пушкине. Работы разных лет.* СПб.: Росток, 2023). Статьи, написанные в разные годы (первая — в 1963-м, последняя — в 2005 году), продолжают и дополняют друг друга. Их единство возникает благодаря общему стилю изучения: как правило, статьи содержат анализ конкретных классических текстов и вместе с тем уточняют общие представления о литературном процессе XIX–XX веков. Плодотворность исследовательских усилий Марковича связана с позицией толерантности к любым научным парадигмам. Для него не существует единственно верной научной системы, потому что такая система обрывается скрывающимися правилами. Напротив, методологическая «открытость» обеспечивает возможность внутренней динамики, а устремленность к пониманию превращает каждое исследование в прочтение текста, не исчерпывающее, но открывающее новые смысловые пласты русской классики.

В докладе Е. О. Ларионовой (Санкт-Петербург) речь шла о Большом академическом собрании сочинений Пушкина в оценке Ю. Г. Оксмана, который был вместе с М. А. Цявловским автором концепции этого издания и одним из редакторов вышедшего в декабре 1935 года его так называемого пробного тома. Арестованный в 1936 году и проведший десять лет в лагерях, Оксман после возвращения начал знакомство с достижениями пушкинистики истекшего десятилетия и выступил с критикой главного результата работы своих коллег-пушкинистов. Соглашаясь с распространенным мнением, что

в порой беспощадной критике Оксманом Большого академического собрания следует видеть обиду отстраненного от работы ученого, Ларионова сочла нужным присмотреться к его высказываниям внимательнее. Главным объектом критики становятся решения Б. В. Томашевского, что, конечно, объясняется тем, что именно Томашевский был редактором томов, «зарезервированных» по первоначальному плану за Оксманом. Однако Оксман критикует также ряд структурных и композиционных особенностей издания. На конференции пушкинистов в мае 1933 года, когда определялась судьба будущего издания, столкнулись две позиции — Цявловского и Томашевского. Победила концепция, заявленная Цявловским и поддержанная Оксманом. Томашевский после первоначального отказа работать в издании вынужденно вернулся в редакционный коллектив, но стал своего рода заложником чужого плана. Этого то и неспособен был в конце 1940-х — 1950-е годы увидеть Оксман. Он рассматривал издание как «готовый продукт», сделанный без него, не понимая, что в значительной мере несет ответственность за решения, которые спустя 10–15 лет сам признавал ошибочными. Близкой теме был посвящен доклад В. В. Турчаненко (Санкт-Петербург) «„Последнее письмо“ Б. В. Томашевского: к истории академического издания Полного собрания сочинений А. С. Пушкина».

О другом фундаментальном пушкиноведческом труде — «Летописи жизни и творчества Александра Пушкина», начатом М. А. Цявловским, продолженном в конце XX века и теперь выходящем новым изданием, — рассказала руководитель этого проекта Н. А. Тархова (Москва).

Конференция показала, что научный интерес к творческому наследию Пушкина продолжает оставаться серьезным стимулом к международному сотрудничеству.

© О. Э. Карпеева

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-2-280-282

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АННА АХМАТОВА И ...»

24 июня 2024 года в Российской национальной библиотеке состоялась международная научная конференция «Анна Ахматова и ...», приуроченная к 135-летию поэта. Во вступительном слове Н. И. Крайневой (Санкт-Петербург) отметила, что конференция продолжает традицию научных заседаний и «Ахматовских чтений», проходивших в библиотеке с 1979 года. Доклады и сообщения участников были сгруппированы по тематическим блокам, объединя-

ющим звеном первого из которых стала фигура О. Э. Мандельштама.

В докладе Н. И. Крайневой «Анна Ахматова и ее проза: текстологические сложности публикации „Листков из дневника“» рассматривались различные варианты решения вопросов, появляющихся при подготовке к изданию незавершенной мемуарной прозы Ахматовой, посвященной О. Э. Мандельштаму. Отметив различия опубликованных текстов в разных изда-

ниях, Крайнева предложила свое решение для установления критического текста незавершенного произведения: за основу должна приниматься наиболее поздняя редакция, а все не вошедшие в нее фрагменты должны либо помещаться в текст, согласно пометам и пояснениям Ахматовой, либо печататься отдельно, с указанием предположительного места вставки.

О. А. Лекманов (США) в докладе «Ахматова и Мандельштам: дружба или любовь?» рассмотрел развитие взаимоотношений двух поэтов от самого их знакомства в 1911 году до начала 1920-х годов. Лекманов полагает, что Ахматова, пишавшая в мемуарной прозе, что Мандельштам был в нее влюблен, несколько упростила ситуацию, поскольку чувство к ней Мандельштама включало в себя элемент не только эротической, но и родственной любви.

И. В. Ерохина (Тула) в докладе «Ассоциативно-семантическое поле 'Мандельштам' в „Решке“ Ахматовой» предложила объяснение структурообразующих элементов в «Поэме без Героя». По мнению докладчицы, «чужое слово» в ахматовской поэме является «пучком» смысловых ассоциаций. Эпиграф из стихотворения Н. А. Клюева одновременно связан и с темой «Ахматова — Данте» (судьба поэта-изгоя), а через нее с «реквиемными» и «лагерными» строфами, и с «Листками из дневника». С этим реминисцентным «пучком» соединяются «Первое посвящение» и эпизод похорон Шелли, который, в свою очередь, отсылает к «Прозе о Поэме».

Во втором блоке докладов творчество Ахматовой рассматривалось на фоне западноевропейской литературной традиции. Доклад Л. Г. Кихней (Москва) «Ахматова и русская гофманиана» был посвящен манифестации гофмановской топки в «Поэме без Героя». Кихней показала, что гофмановский слой является еще одним порталом для расширения и углубления смысла «Поэмы», особенно ее «Части первой». Развертывание «гофмановского комплекса» в тексте специфично, поскольку прямые и опосредованные апелляции к немецкому романтику отсылают, возможно, даже в большей мере, — к произведениям его русских последователей. Ахматова мыслила себя завершителем гофмановской традиции; отсюда многократные упоминания в «Прозе о Поэме» о «петербургской гофманиане», утверждение, что «Поэма» — ее «последнее звено».

В сообщении О. Д. Филатовой (Иваново) «Анна Ахматова и античный миф: мифологема жертвы в поэтике имен собственных» рассматривалось употребление личных имен и топонимов с точки зрения их смыслов и функций. Учитывая общеакмеистические принципы (включение индивидуального творчества в контекст мировой культуры, использование «упоминательной клавиатуры», «диалога цитат», аллюзий и реминисценций и пр.), а также характерное именно для Ахматовой «шифрование» глубоко личного, часто автобиографического содержания с помощью чужого слова, образа, докладчица рассмотрела семантику

образа жертвы в метонимических и эмблематических образах.

В центре внимания Г. П. Михайловой (Литва) были два текста Ахматовой — строфа из «Поэмы без Героя» и стихотворение 1963 года «Ты, верно, чей-то муж...». В докладе «Семантика и поэтика двух античных диптихов: Шекспир и Софокл, Шекспир и Гораций в поэзии Ахматовой» рассматривались содержательное и формальное своеобразие репрезентируемой Ахматовой оппозиции — Шекспир *vs* Софокл и Шекспир *vs* Гораций, при этом учитывалась «весомость» античного и шекспировского «культурных слов» во всем творчестве Ахматовой. Михайлова полагает, что отношения между «персонажами» поэтических диптихов имеют характер не столько взаимоисключения, сколько взаимообусловленности.

Первое заседание завершилось блоком источниковедческих и архивных разысканий. Доклад Т. В. Праздниковой, П. Л. и Н. Л. Зыковых (Санкт-Петербург) «Анна Ахматова и Николай Пунин. История о кольце» был посвящен рассмотрению обстоятельств, связанных с продажей Ахматовой в день пропаганды «Займа Свободы» (25 мая 1917 года) своего обручального кольца, участию в этих событиях Н. Н. Пунина и их интерпретации в записях П. Н. Лукницкого, сделанных со слов Ахматовой в 1925–1927 годах и опубликованных в книге «Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой». Благодаря восстановлению исторического и биографического контекстов докладчицы доказали, что по стечению обстоятельств действительная роль Пунина была искажена в дневнике конфидента Ахматовой.

М. К. Свиценская (Санкт-Петербург) в сообщении «Анна Ахматова на неизвестных рисунках Антонины Любимовой» представила не введенный до настоящего времени в научный оборот иконографический источник, связанный с именем Ахматовой, — рабочий блокнот ленинградского графика А. В. Любимовой, содержащий, в частности, эскизы к портретам поэта, созданные в 1944, 1946 и 1965 годах. Альбомные зарисовки, по мнению Свиценской, явились своего рода иллюстрациями к дневниковым записям о встречах художницы с Ахматовой.

Второе заседание открывал блок докладов, посвященный деятельности Ахматовой как пушкиниста. Доклад А. Ю. Балакина и В. В. Турчаненко (Санкт-Петербург) «Анна Ахматова *vs* академическое пушкиноведение: к истории взаимоотношений» был посвящен реконструкции личных отношений поэта с пушкинистами. Особое внимание докладчицы уделили фигуре Д. П. Якубовича, привлечшего Ахматову к крупным научным проектам: академическому изданию Полного собрания сочинений Пушкина, созданию комментария для фототипического издания его рукописей, подготовке книги «Рукою Пушкина». Посредником между Ахматовой и академическим пушкиноведением в 1930-е годы был Якубович, после войны — Б. В. Томашевский, постоянный чита-

тель и критик пушкинских работ Ахматовой. После его смерти отношения Ахматовой и пушкинистов стали исключительно формальными.

Я. В. Слепков (Санкт-Петербург) в докладе «Первая статья Ахматовой о Пушкине: история создания и рецепция в 1930-е — 1960-е годы» разрабатывал более частный сюжет: творческую историю исследования «Последняя сказка Пушкина». Основываясь на архивных материалах, докладчик уточнил роль С. М. Бонди (консультации о пушкинских рукописях) и Н. И. Харджиева (формулирование тезисов статьи) в подготовке исследования. Отказы на статью Слепков предложил условно разделить на три «волны»: в 1930-е годы статья широко обсуждалась академическими учеными; вторая «волна» интереса связана с постановлением о журналах «Звезда» и «Ленинград», а также с борьбой с «космополитами»; третье обращение современников к научному наследию Ахматовой произошло после ее кончины в связи с необходимостью осмыслить жизненный и творческий путь поэта.

Последний тематический блок конференции был посвящен стратегиям конструирования автобиографии и рецепции образа Ахматовой. В докладе «Анна Ахматова и восприятие творчества и личности Михаила Кузмина в середине XX века (к вопросу об «истории культа Кузмина)» А. С. Пахомова (Санкт-Петербург) обратила внимание на роль Ахматовой в формировании рецепции Кузмина в 1950–1970-е годы. Текстом, благодаря которому в эти десятилетия происходило знакомство читателя с Кузминым и окружавшим его мифом, была «Поэма без Героя», которая отсылала к циклу Кузмина «Форель разбивает лед». Анализ немногочисленных свидетельств прочтения в середине XX века двух произведений показал, что писатели воспринимались как антиподы — Ахматова репрезентировала официальный литературный процесс, а Кузмин оставался достоинством неофициальной культуры.

Е. Л. Куранда (Санкт-Петербург) в докладе «Образы Николая Гумилева и Анны Ахматовой в памяти Ольги Гильдебрандт-Арбениной», опираясь на хранящиеся в ЦГАЛИ СПб дневники художницы, привела свод упоминаний Гумилева и Ахматовой. Некоторые записи сопровождаются черновиками стихов Гильдебрандт-Арбениной, которые были вызваны ее воспоминаниями о Гумилеве в то время, когда официально его имя было запрещено. В докладе была впервые представлена дневниковая запись Гильдебрандт-Арбениной от 9 марта 1966 года о смерти Ахматовой и эпохе, определившей темы ее творчества.

Доклад А. А. Чабан (Москва) «Воспоминания Анны Ахматовой „Амедео Модильяни“ как европейский проект» посвящен внутренней организации и прагматике мемуаров Ахматовой о художнике. По мнению Чабан, в них

поэт расширила рамки повествования о личной истории, выйдя на уровень событий мирового масштаба. Расширение исторического фона и круга упоминаемых исторических деятелей было следствием прагматики текста: «Амедео Модильяни» (наряду с «Реквиемом») был текстом, через который заграничные читатели узнавали об Ахматовой. «Историзм» воспоминаний был логическим продолжением одной из ведущих тенденций поздней лирики поэта и «адаптационным» приемом для мировой читательской аудитории.

В сообщении «„Я родилась в один год...“: Ахматова и Чаплин» С. В. Прасолова (Санкт-Петербург) попыталась обнаружить истоки одного из важных автобиографических высказываний Ахматовой: «Я родилась в один год с Чарли Чаплином, „Крейцеровой сонатой“ Толстого, Эйфелевой башней и, кажется, Элиотом». По мнению докладчицы, поэт, указывая на общий год рождения, подразумевала общность дальнейших жизненных траекторий, взгляда на психотерапевтическую роль художника, их творческих мотивов.

Марко Саббатини (Италия) в сообщении «Анна Ахматова и Альберто Бевилакуа: заметки из итальянской прессы» рассказал о малоизвестной и до сих пор не переведенной на русский язык статье А. Бевилакуа в газете «Il Messaggero» (выпуск от 13 декабря 1964 года), репрезентирующей состояние отношений между Союзом советских писателей и западными литераторами. В таком контексте поездка Ахматовой в Италию воспринималась как дипломатический шаг. Саббатини считает, что статья Бевилакуа выбивается из множества других текстов, поскольку носила не анти-, а просоветский характер, что было обусловлено личными взглядами автора.

Второе заседание конференции закрывали презентации пятого номера журнала «Звезда» за 2024 год, в котором опубликована часть переписки Ахматовой с сыном, Л. Н. Гумилевым (выпуск представляли главный редактор журнала А. Ю. Арьев, главный редактор издательского дома «Мирь» С. Н. Казаков, сотрудники РНБ Н. И. Крайнева и А. Я. Разумов), и двухтомного издания биографического исследования «Бродский и о Бродском» (СПб., 2021), подаренного библиотеке составителем А. Н. Коновым.

Конференция торжественно завершилась концертом «Лучше кликну „Закона“ Баха...» в Домовой церкви Шереметевского дворца — Музея музыки (Музей театрального и музыкального искусства). Произведения почитавшихся Ахматовой композиторов исполнили А. А. Полищук и «Петро Арт квинтет» (Е. Ю. Шереметьева, Д. А. Козлова, С. В. Степанова, Г. С. Чмерина, К. Ю. Мурзин).

© Я. В. Слепков

Яков Вениаминович Слепков

ведущий археограф Отдела рукописей
Российской национальной библиотеки

Iakov Veniaminovich Slepkov

Leading Archaeographer, Manuscripts Department,
National Library of Russia

ORCID: 0009-0001-6742-1673

iakovslepkov@gmail.com

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АННА АХМАТОВА И ...»**

**ANNA AKHMATOVA AND ...
INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE**

[Meeting Abstract]

Ирина Владимировна Аршинова

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Irina Vladimirovna Arshinova

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-5947-3935

ivarshinova@gmail.com

XXII АЛЕКСЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XXII ALEKSEEV READINGS

[Meeting Abstract]